

Алекс Павези

**КТО
НАПИСАЛ
ТВОЮ
СМЕРТЬ**

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

П12

Alex Pavesi

INK RIBBON RED

Copyright © Alex Pavesi, 2024

Павези, Алекс.

П12 Кто написал твою смерть / Алекс Павези ; [перевод с английского Т. Масленниковой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (Ток. Детектив в кубе).

ISBN 978-5-04-210374-2

Эти выходные закончатся гибелью Анатоля утром понедельника. Но цепь событий, приведшая к этому, берет свое начало раньше: в его тридцатый день рождения.

По старой традиции Анатолю приглашает друзей отпраздновать юбилей в своем особняке в Уилтшире. На правах именинника он предлагает сыграть в игру «Мотив. Метод. Смерть». Правила просты: каждый из участников наугад выбирает два имени, убийцу и жертву, из числа собравшихся, и пишет короткий детективный рассказ. Обязательное условие – история должна быть реалистичной и, конечно же, закончиться убийством, желательно изощренным и необычным.

Вот только на этот раз преступления должны происходить в эти выходные и в этом доме. Приступая к заданию, каждый из них использует против своих друзей все, что им известно. Мерзкие тайны. Затаенные обиды. Грязные интриги. В дело идет все. И с каждой вымышленной смертью атмосфера накаляется, давая мотивы для реальных убийств...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

© Масленникова Т., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-210374-2

*Посвящается Бэйли,
одному из величайших котов,
который умер от лимфомы,
пока писалась эта книга.
А также его брату Льюису,
которому исполнилось шестнадцать лет
за несколько месяцев до ее публикации.
Льюис, можно мне стул обратно?*

Примечание от автора

Основные события романа разворачиваются во время длинных майских праздников 1999 года; ради целостности повествования в текст включены истории, написанные героями на протяжении этих выходных, в соответствующие их действию моменты.

Часть первая

СМЕРТЬ

Понедельник

31 мая 1999 года

ЖИВОПИСНЫЙ МАРШРУТ

— Я не хочу, чтобы ты считала меня плохим человеком...

Эти выходные начались обнадеживающе, но закончатся кошмарно, как любые выходные. Анатолий украдкой посматривал на Янику, ожидая ее ответа. Руль начал уходить в сторону. Они услышали шорох сминающейся под шинами крапивы и почувствовали, как левое переднее колесо чиркнуло по краю обочины. Анатолий перевел взгляд обратно на дорогу. Он никогда не был особо умелым водителем. После своей ошибки он лишь пожал плечами, машинально крутанул руль и продолжил говорить:

— Просто в последнее время я сам не свой. Ты же понимаешь? Я в полном раздрае.

Яника дипломатично кивнула, но ничего не ответила. Она смотрела на пролетающие за окном сельские виды. Желтые луга и тусклые холмы под невзрачным белым небом. Она сжимала пальцами рукава кардигана. Она не проронила ни слова с тех пор, как они сели в машину. Ей казалось, что молчать более естественно.

— Все как будто во сне, — сказал Анатоль. Он растопырил пальцы на правой руке и посмотрел на дорогу сквозь промежутки между костяшками. Каждый его ноготь венчала широкая грязная полоска. — Когда умирает кто-то из близких, все вокруг кажется нереальным. В один момент слишком многое меняется. И от этого все вокруг кажется сном. Понимаешь?

Было необычайно холодно для последнего дня мая. Дня, которому предшествовал тридцатый юбилей Анатоля. Тяжелая дымка позднего утра устлала пейзаж за окном. Каждая травинка будто превратилась в маленького призрака.

— Но если все нереально, ничего не имеет значения. Ты перестаешь различать хорошее и плохое. Ты делаешь то, чего обычно не делаешь. И говоришь то, чего обычно не говоришь. Если в последние недели я вел себя странно, то именно поэтому.

Было утро понедельника. Длинные праздники. Все выходные Яника провела дома у Анатоля с остальными их друзьями. А сейчас он вез ее на станцию, чтобы она села на поезд до дома. Они ехали на темно-зеленом винтажном кабриолете. Многострадальный виниловый откидной верх порвался с одного края. Дыру многократно заделывали слоями изоленды, но холодному воздуху все равно удавалось проникнуть внутрь.

— Наверное, я не очень понятно объясняю...

Анатоль, не переставая говорить, замедлился и включил поворотник, съезжая на узкую объездную дорогу, где не было разметок на асфальте. Он снял руки с руля и стал ждать, пока прервется встречный поток машин.

— Но скорбь принимает разные формы. И каждый день проявляется по-разному. Иногда это вина, иногда это сожаления. Иногда просто грусть. А иногда больше похожа на шок. — Отец Анатоля внезапно скончался пять недель назад. — Я не пытаюсь себя оправдать. Я прошу прощения, если вчера показался грубым или резким. Но ты просто теряешь способность объективно смотреть на вещи, когда твое настроение постоянно меняется. Однажды ты это поймешь, когда сама потеряешь кого-нибудь из близких, Яника.

Машины пронеслись мимо них ярким потоком базовых цветов. Яника глянула направо из-за спины Анатоля. Дорога, на которую они планировали сворачивать, как будто бы никуда не вела. Рядом с ней не стояло указателя с названием населенного пункта. И в конце тоже ничего не было видно. Только длинные живые изгороди, тянувшиеся вдоль покрытой выбоинами дороги, сходились на горизонте.

— Анатоля, — сказала Яника, все-таки решив заговорить. — Куда мы едем?

— Скорбь, — произнес Анатоля, увлекшись, — это нелепая аббревиатура от совести, горя и боли. Потому что они — три главные ее составляющие.

— Куда мы едем? — снова спросила Яника.

Внезапно в потоке машин образовался промежуток. Анатоля попытался вклиниться в него, но слишком поздно повернул руль. Тарахтящий кабриолет переехал на другую сторону дороги, но не вписался в поворот и въехал в заросли белых зонтиков. Анатоля выругался и дал задний ход. Он дернулся назад, прямо наперерез едущей машине.

А потом снова медленно пополз вперед, выровнивая ход. Машина пронеслась мимо, пронзительно просигналив.

— Наглядный пример номер один, — сказал Анатоль. — Ты теряешь объективный взгляд на вещи.

— Это не дорога до станции, — сказала Яника.

Анатоль включил радио, меняя тему разговора. Но ему удалось найти только местные новости, прерываемые помехами. Он выключил магнитолау.

— Чего-то радио дает петуха.

Яника снова заговорила с нарастающей тревогой:

— Анатоль. Куда мы едем?

— Не волнуйся, это живописный маршрут. — Анатоль показал в пустую даль. Дорога перед ними выглядела как чистый лист. — Дальше мы повернем налево. Мы уже ездили этой дорогой, я уверен.

Яника посмотрела в окно со своей стороны. Обзор закрывала высокая изгородь, но сквозь прорехи она видела только зеленые поля, посеребрившие из-за тумана.

— Он не живописный.

— Но будет в более ясный день.

Яника развернулась в кресле и посмотрела в заднее стекло, надеясь, что кто-нибудь свернул вслед за ними. Но дорога позади выглядела так же, как и впереди.

— Станция в обратном направлении, Анатоль.

— Может, это не самый краткий путь, но он точно приведет нас куда надо. И тут приятнее ехать.

Яника посмотрела на часы.

— У меня поезд через десять минут.

— Двенадцать, — сказал Анатоль. — У нас куча времени.

— Я не хочу рисковать. Я хочу занять хорошее место. Я не смогу два часа сидеть в вагоне для курящих. Я начну со всеми ссориться. — Яника начала терять самообладание. — Отвези меня обратно. Пожалуйста.

Анатоль поморщился, услышав настолько прямое требование. Он забарабанил пальцами по рулю и покачал головой.

— Признаюсь тебе, Яника. Дело не в красивых видах. Мне просто ужасно хочется поссать. Мы остановимся чуть-чуть подальше. Это всего лишь небольшой крюк.

Он снова показал вдаль. У него были длинные и жилистые пальцы, огромные ладони. Они составляли как минимум восьмую часть его двухметрового роста. Анатоль был почти слишком высок для этой машины. Он упирался макушкой в крышу, натягивая виниловый откидной верх, словно тент.

— Не волнуйся, — прибавил он. — Я быстро.

Яника снова обернулась и посмотрела в заднее стекло. Но дороги, с которой они свернули, уже не было видно.

— На станции есть туалет, — сказала она. — Почему ты не сходишь там?

— Да это не больше минуты займет на самом деле. Прямо по курсу небольшой лес. Через него идет тропинка. Это частная территория, но там никого не бывает. — Анатоль повернулся к Янике со странной ухмылкой. — Можно сказать, такая природная кабинка...

Машина снова завалилась на сторону Яника. Твердая неспелая ежевика застучала по лобовому стеклу.

— Анатоль, — попыталась повысить голос Яника. — Ты можешь и потерпеть. А поезд потерпеть не может, понимаешь?

— Никому ничего не надо терпеть, Яника. Посмотри на погоду. Поезд опоздает.

— Ты же не знаешь наверняка! — Яника уже почти кричала, схватившись за дверную ручку. — Я не хочу рисковать. Я не хочу ехать в лес.

— Извини, Яника, но я могу себе навредить, если буду терпеть. У меня всегда так было, еще с детства. Это мое проклятие. Два метра ростом, а мочевого пузыря — как бутылочка с лимонным соком. Но я быстро. Максимум — девяносто секунд. Я засекал, когда был маленький. Мальчишки любят таким заниматься. Не то чтобы я когда-то был маленьким...

— Анатоль. Если ты не развернешься, я открою дверь и выпрыгну из машины.

Хоть она и чувствовала, что может обострить ситуацию, Яника была слишком своевольной, чтобы отступить и не накалять ее. Она была самой большой скромницей в их компании, но также славилась своей упертостью. Если она заговаривала, то либо чтобы начать спор, либо чтобы сделать кому-то замечание.

Анатоль улыбнулся.

— И как это поможет тебе добраться до станции? И что насчет твоего багажа? Мне просто выкинуть его вслед за тобой?

— Я знаю, что ты сделал.

Все, что Анатолий сказал Янике с того момента, как они сели в машину, было ложью. Они ехали не по той дороге, по которой ездили раньше. Яника бы запомнила. И она никак не могла привести их к станции. Станция была у подножия холма, а эта дорога поднималась вверх. И Яника слышала, как Анатолий ходил в туалет прямо перед выходом, пока ждала его в уличной обуви у двери. Звук жидкости, льющейся в воду, ни с чем нельзя спутать.

— Я все знаю.

Даже его скорбь была сильно преувеличена.

Анатолий рассмеялся, и в его вздохе прозвучало веселое удивление.

— И что ты, по-твоему, знаешь?

Пока он болтал, Яника незаметно опустила руку и нажала на кнопку его ремня безопасности. А теперь с тихой яростью выжидала, сжав застежку в ладони. Она рассчитывала время, когда лучше ее отпустить.

— Ты убийца, Анатолий.

Когда они выехали на прямой участок дороги, Яника отпустила ремень. Он отлетел и со свистом проехался по пузу Анатолия.

— Какого...

Он поймал отстегнутый плоский замок и взглянул на него. Он всегда напоминал ему пса. Металлическая морда с пластиковыми ушами. Потом Анатолий поднял глаза и увидел, что Яника схватилась за руль. Она перевалилась через его сиденье. Прежде чем он успел разгадать ее намерения, Яника резка развернула машину направо, навстречу огромному каштану на обочине дороги.

— ...хрена?